

РИНА КАНТОР
ИЗОБРЕТАЯ ВРЕМЯ

Рина Кантор

Изобретая время

<https://litres.ru/74070781>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь обычной девушки, чья судьба казалась уже предрешена, обнаруживает в себе древнее наследие, передающееся из поколения в поколение. Способность перемещаться в пространстве и времени, создавая временные тоннели и находя бреши в реальности. Алисе предстоит понять дар это или проклятье, и какую цену за это придётся заплатить. Путешествуя сквозь время, она начинает распутывать клубок семейных тайн, который веками хранился в секрете, пытаясь не стать пешкой в чужой игре.

Рина Кантор

Изобретая время

Глава 1

Изобретая время

«... ее взгляд всегда холодных, стальных глаз смотрел в самую душу, а улыбка никогда не выдавала настоящих эмоций. Она прекрасно играла свою роль, отведенную ей в этом обществе, из пешки в дамки...Если бы хоть одна из королевских семей знала, кто она на самом деле, из-за нее началась бы война, за нее началась бы война...Она всегда говорила, что служит Империи, только мы слишком поздно узнали какой же...»

*Из дневника «Путешественника во времени»,
найденного на остатках пустоши*

ГЛАВА 1

Тик-так, тик-так, тик-так...

Стоя на улице и проверяя снова телефон, Алиса недовольно усмехнулась, ее семья никогда не опаздывала, по ним всегда можно проверять часы. Сделав затяжку и выдув табачный дым, девушка задумалась об обреченности ситуации. Еще совсем недавно ее жизнь была под контролем, у нее был «какой-то план», и она ему придерживалась, но всего одна

неловкая ситуация, одна секунда и уже ничего нельзя было исправить, не разбив чужие мечты и сердце родной матери. Сейчас ей хотелось сбежать, бежать куда-нибудь подальше от этой вылизанной безжизненной обстановки, окружавшей ее. Небольшой пригородный квартал, построенный в часе езды от города «N», был слишком идеальным словно по линейке со своими ровными улицами, домами как под копирку. Все не живое, инородное и не естественное для данной лесной местности. Эпопеей данного «поселения» являлось единственное высокое здание с защищенными воротами и красивым парком. Это был частный центр социального обслуживания, где проживали иди доживали, как посмотреть, люди, которые не могли о себе позаботиться.

Здесь находилась некогда великая Регина Адамс, что так много сделала для семьи и для общества. Регина была социальным работником, спасала людей, детей, кошек и прочую нечисть, которой была нужна помощь. Сама девушка не помнила свою бабушку, старшая Адамс заболела, когда Алиса была еще совсем маленьким ребенком. Никто из врачей так и не смог поставить точный диагноз или объяснить, что с ней произошло, Регина просто перестала двигаться, разговаривать и как-то вообще реагировать на мир. Сотни анализов и годов медицинского вмешательства ничего не обнаружили, по словам врачей она здорова. Вначале Регина находилась в госучреждении под наблюдением местных врачей, но после нескольких инцидентов и халатного отношения, была от-

правлена в частное заведение под присмотром двадцать четыре на семь, который естественно стоил не копейки.

Семья Адамс не была настолько состоятельной и данную честь для Регины могли позволить с большой натяжкой. Мать, всегда работала на двух, если не трех работах, как помнит Алиса, особенно после исчезновения отца, чтобы семья оставалась на плаву. Утром Лайма Адамс всегда ездила в типографию, забирала заказы и развозила коробки и документы по маршруту до обеда, после направлялась в детский центр, где проводила занятия и уже вечером приходила на помощь к своей подруге, которая владела небольшим семейным кафе, где также работал младший брат Алисы Соккви.

Сама Алиса в этом круговороте действий и помощи немощной старушке не принимала никакого участия. Дождавшись шестнадцати лет, она уехала в колледж, а далее уже поступила в университет. Она не была черствой и холодной, любила мать и брата, но никогда не понимала их «такого» отношения к Регине. Сама мать, Лайма, ценила и можно сказать молилась на старшую Адамс. По рассказам матери, Регина спасла ей жизнь, изменила ее и дала приют. О своей семье Лайма никогда не рассказывала, и если в детстве Алису снедало любопытство и на ее вопросы мать отвечала, что когда-нибудь придет время и она все расскажет, то повзрослев она поняла, что родные и близкие люди по «крови» не всегда могут быть родными и близкими, что у всего есть свои причины, и не стоит беречь старые раны.

Младший брат Соккви тоже души не чаял в бабушке, хотя даже не знал ее до болезни. Разница с Алисой была всего в пять лет, но иногда казалось непреодолимой стеной, преградой. Разные увлечения и интересы, образ жизни всегда приводили к ссорам и скандалам. Соккви никогда не сидел на месте, свою жизнь он решил посвятить альтруизму и помощи семье. Не получив официального образования, он окончил все курсы какие только можно, чтобы остаться помогать матери и той холодной, безжизненной женщине, что была укрыта в загородном приюте.

Докурив сигарету, Алиса снова проверила телефон, который вибрацией оповестил ее о сообщении «на трассе пробка, еще где-то минут двадцать».

Конец августа не радовал теплой погодой, уже чувствовался потяжелевший влажный осенний ветер. Одетая не совсем по погоде, в футболку, джинсы и легкую кофту, Алисе пришлось выбирать между тем, чтобы мерзнуть дальше или все-таки переступить через свои чувства и ворота, пройти дальше на территорию спецучреждения. Именно переступить чувства, а вернее их отсутствие. В отличии от всей семьи, к Регине Адамс, Алиса не испытывала никаких чувств, даже больше, ей казалось, что Регина их выкачивала. «Казаться» ей так стало еще в детстве, когда она осознала, что рядом с бабушкой не слышит собственных мыслей. Это откровение произошло после исчезновения отца пятнадцать лет назад, когда чувства переполняли, а страх и горе накры-

вали каждый все новой и новой волной. Но рядом с Региной такой спокойной и отдаленной все уходило на задний план, даже казалось, что тело начинало неметь и терять контроль, а кто же захочет терять контроль...

Алиса приложила ключ-контроллер к интеркому на воротах, те сразу открылись. Переведя дыхание и сделав первый шаг, она ощутила легкое волнение, которое рождается в кончиках пальцев и проносится мурашками по всему телу. Проходя по алее, где каждый куст ничем не отличался от другого, отметила для себя, а не стоит ли что-то большее за этим перфекционизмом, продолжила идти по дорожке, вымощенной из бледно-розового кирпича. Само здание ничем не выделялось на фоне пригородного городка, кроме своего размера и территории, отведенной ему. Оно было в таких же пастельно нежных оттенках.

Представившись на пропускном пункте, местный медработник, в фирменной униформе заведения, провел Алису вверх по лестнице из гранитного камня и оставил ждать в коридоре. Коридоры внутри были просторными, но некоторые к сожаления были без естественного освещения, из-за расположения множества комнат, предназначенных для «постояльцев», всюду были лампы и горшки с цветами, надежно прикрученные во избежание экстренных ситуаций. Таким и оказался коридор корпуса «Б». Этот корпус был дополнительно защищен, на каждой двери был контроллер, который открывался только с помощью специальной карты работни-

ка, чтобы никто не смог выйти и пройти без согласия медперсонала. Отделение «Б» было предназначено для психически больных людей, в каждом холле располагалось как минимум два медработника на ресепшне и по одному работнику на пациента. Именно этим и славилось учреждение, что каждому пациенту уделялось особое внимание.

Расположившись на мягком диване в ожидании неизбежной встречи, Алиса заметила, что этот коридор был не настолько хорошо освещен, несколько лампочек в светильниках на потолке перегорели, что создавало легкое ощущение мрака, которое никак не тяготило глаза.

-Секунду, все скоро будет готово, -сказал парень словно с рекламного плаката, улыбаясь во все свои тридцать два зуба, закатывая в комнату для посещения холодное, бледное, почти не живое тело в инвалидном кресле.

«Ну вот и не сбежишь никуда с подводной лодки», -подумала Алиса и проверила телефон, где часы изменили свой ход всего на четыре минуты, нервно затрясла ногой. Прошло еще немного времени и ее пригласили в комнату. В ней было очень светло, просторно и умиротворенно, всюду были все те же пастельно-розовые оттенки. Стены, окрашенные в нежный, как лепесток розы, оттенок, создавали ощущение тепла и уюта. Главным акцентом пространства было огромное окно, занимавшее значительную часть одной из стен. У левой стены, располагался диван. Он был обитым приятной на ощупь тканью, цвет которой гармонично перекликался с от-

тенком стен, но имел чуть более глубокий, пыльный розовый тон. Его формы были плавными и округлыми, ни одной резкой линии, словно он был вылеплен из мягкости. Множество подушек, разбросанных по дивану, предлагали устроиться с максимальным комфортом. Комната утопала в зелени и цветах. Они были повсюду: на низких столиках, на подоконнике, в изящных напольных вазах. Оттенки зелени варьировались от глубокого изумрудного до нежного салатового, создавая живой, дышащий контраст с пастельным фоном. Цветы же, словно драгоценные камни, рассыпались по комнате. Благородные розы, нежные пионы, трепетные тюльпаны – их бутоны раскрывались, наполняя воздух легкими, едва уловимыми ароматами. Этот цветочный рай добавлял комнате жизни и красок, делая ее не просто красивым, но и ароматным, живым пространством.

В этой комнате все было идеальным, если бы не одно «но», сидящее со стеклянными глазами, которые смотрели в окно. Она сидела, неподвижная, как изваяние, в кресле, которое стало ее невольным тронem. Ее волосы, седые, с едва заметным металлическим отливом под лучами солнца, ниспадали до плеч, образуя мягкий, обрамляющий лицо ореол. Когда из открытого окна легкие потоки воздуха проникали в комнату, они трепетали, оживая, будто напоминая о прежней свободе движения. Взор ее был устремлен в одну точку, в невидимое ничто, расположенное, казалось, где-то далеко за стенами этой комнаты, за горизонтом, за самой реально-

стью. Это был взгляд, лишенный фокуса, взгляд, через который пробивалась не пустота, а скорее бездна. Вместо того чтобы видеть, она, казалось, впитывала. Впитывала образы, воспоминания, мечты, которые уже не могли найти выхода через привычные каналы. Этот застывший взгляд был окном в иной мир, мир, доступ к которому был открыт только ей.

-Ну, здравствуй, Регина, - холодно начала Алиса, входившая в комнату плавными шагами, - как дела, как прошел день?

Собираясь со своими мыслями, взгляд девушки еще раз скользнул по комнате, остановился на кресле возле окна. Медленно она приблизилась и опустилась в него.

Тишина в комнате, казалось, сгустилась, стала почти осязаемой. Но сквозь эту плотную завесу пробивался тонкий, едва различимый звук – одинокое тиканье. Оно звучало ровно, настойчиво, как сердцебиение невидимого существа.

Тик-так, тик-так, тик-так...

Девушка замерла, прислушиваясь. Часы? Ее взгляд скользнул по стенам комнаты, но ни одних часов здесь не было. Ни настенных, ни настольных, ни даже маленьких на-ручных, забытых на тумбочке.

Откуда же этот звук? Он казался таким близким, таким отчетливым, что ей стало немного не по себе. Будто кто-то нарочно установил этот метроном в ее личное пространство, чтобы напоминать о неумолимом беге времени. Но ведь это невозможно.

Пытаясь снова собраться с мыслями, Алиса предположила, что этот звук доносится из коридора. Хотя ей и казалось все странным сегодня, она определенно слышала ход стрелок часов, в начале у ворот, теперь сейчас.

Списав все на свою настороженность, Алиса вернула свое внимание на узницу, что томилаь в каменном теле, привстала и достав из сумки фотоальбом, ранее отреставрированный в местном фотоателье, положила перед ней. Она знала, что для Регины, потерявшей связь с реальностью, это, возможно, не будет иметь никакого значения. Но она также знала, как обрадуется этому подарку ее мама, которая так бережно хранила воспоминания, сотканые из старых, теперь оживших снимков.

Тик-так, тик-так, тик-так...

Звук снова повторился, он точно раздавался из коридора. Она медленно поднялась. Каждый шаг по направлению к коридору сопровождался тихим шорохом ее одежды. Звук становился все более отчетливым, словно она приближалась к самому сердцу времени. Что ее там ждет? Или, может быть, это всего лишь игра ее воображения, вызванная окружающей тишиной и собственным беспокойством. Но тиканье было слишком реальным, слишком настойчивым, чтобы его игнорировать.

Выходя в холл, Алиса столкнулась с медсестрой, которая тут же начала извиняться и просить прощения, от столь внезапного проникновения в чужое пространство.

-Ой, пожалуйста извините, - продолжила девушка без остановки, - я не хотела вас напугать

-Ничего страшного, я сама в вас врезалась, - Алиса огляделась, пытаясь найти в коридоре хоть что-то отдаленно напоминающее часы, - Вы не подскажите сколько сейчас времени?

Медсестра заботливо указала на электронные часы над ресепшеном.

-О ...электронные, без звука значит.

Медсестра неловко улыбнулась не понимая, что имела ввиду Алиса.

- Я могу вам чем-то помочь?

-Звук, вы его слышали?

-Какой звук?

Алиса нервно улыбнулась, и что бы не казаться одним из постояльцев данного места, начала проверять свои карманы.

-Извините, это мой телефон, я подумала, что оставила его тут, в коридоре.

-Если нужна будет помощь...

-Конечно, как только так сразу, -ответила Алиса, подходя к кулеру с водой в метре от медпоста с электронными часами.

Она подошла к кулеру, привычным движением откинув крышку и вставив стаканчик под кран. Легкое нажатие, и тонкая струйка воды должна была наполниться. Но вместо прохладного потока раздалось лишь тихое бульканье, а затем

— звенящая тишина. Стаканчик оказался пуст. Разочарование, пробежало по ее лицу. «Закончилась», — промелькнула мысль.

- Ой, мы всегда меняем воду, -начала оправдываться медсестра, знаете, — вот там дальше, знаете, тоже есть кулер с водой, я могу вас проводить.

-Спасибо, - Алиса достала ключ-карту и показала ее девушке, - я могу сама.

Лицо медработницы сразила волна удивления, что она даже ничего не могла сказать.

-Со следующей недели,- продолжила Алиса,- я ваш раб,- у меня тут практика.

В воздухе повисло едва уловимое напряжение, словно перед грозой.

И тут, словно в ответ на невысказанное ожидание, свет над кулером мигнул. Сначала один раз, тускло, как будто лампочка устала. А потом снова, но уже ярче, с едва слышным треском. Миг, и он погас. Наступила полутьма, нарушаемая лишь слабым светом из окна комнаты. Но в этой темноте ощущалось что-то новое, странное, будто мир вокруг затаил дыхание, ожидая чего-то необычного.

-И часто у вас такое?

-Нет, - тон медсестры стал менее дружелюбным и более озадаченным, - последние дня два, то техника ломается, то свет так гаснет, я сейчас вызову Майкла, он это...-девушка немного замялась, - короче, если что зови всегда Майкла, он

все сделает. И это я, Дженни.

-А я Алиса.

Девушка, оказавшись уже в другом коридоре, приложила ключ-карту к электронной панели двери. Раздался тихий щелчок, и дверь податливо отворилась. Преодолев секундное колебание, она вошла внутрь. В воздухе все еще витал тот же непроглядный мрак, что и в первом коридоре — лишь чуть более плотный, будто накопившийся за время её отсутствия. Пройдя пару шагов, она снова оказалась у кулера. С той же привычной механической точностью вставила стаканчик и нажала на рычаг. Прохладная вода наполнила его, беззвучно и без видимых проблем. Слегка улыбнувшись своему отражению в темном пластике, она сделала несколько глотков, ощущая, как освежающая влага утоляет жажду.

Затем, прихватив стаканчик, она направилась обратно. Дверь в соседний коридор закрылась за ней с мягким шипением. Плотная темнота всё ещё обволакивала её, не давая прохода свету. Она шла, ориентируясь по памяти, её шаги звучали приглушенно по гулкому полу. Дойдя до конца коридора, она повернула, вновь направляясь в ту самую комнату, откуда вышла.

Дверь в комнату оказалась приоткрыта. С лёгким толчком она распахнулась, открывая взору сцену, застывшую в хаосе. Регина, которая, как она помнила, находилась здесь, и близко не было. Комната выглядела так, словно в ней разыгралась буря. Цветочные горшки были неторопливо опрокину-

ты, земля рассыпалась по гладкому полу, словно тревожный след. А фотографии, знакомые, прежде аккуратно сложенные в альбом, теперь валялись в беспорядке.

Коридоре на медпосте никого не было. Она медленно пошла к двери, ведущей в другой коридор, надеясь отыскать там ответы на вопрос, что же все-таки произошло. Приложив ключ-карту к считывателю, она услышала привычное жужжание, но затем раздался резкий сигнал ошибки. Еще раз, и снова. Сердце ёкнуло. На третий раз, после едва заметной паузы, дверь поддалась, открывшись со скрежетом, словно сопротивляясь.

За ней простирался коридор, окутанный крошечной тьмой. Ни проблеска света, ни намёка на жизнь. Воздух здесь ощущался плотнее, тяжелее. Определяя дорогу вслепую, она сделала шаг вперёд. Её нога наткнулась на что-то твёрдое и гладкое. Потеряв равновесие, она споткнулась, и ключ-карта выскользнула из её ослабевшей руки, с глухим стуком упав куда-то в темноте.

Паника начала подкрадываться, но она взяла себя в руки. Замерла, прислушиваясь. В этой давящей тишине, казалось, каждый её вдох звучал оглушительно. И тогда она услышала. Едва различимый шорох, а затем — медленные, размеренные шаги. Кто-то двигался по коридору, но не к ней, а от неё, удаляясь вглубь непроглядной темноты. Этот звук, такой тихий и вместе с тем наполненный неизвестностью, заставил её замереть, ощущая, как по спине пробегает холодок. Она

была здесь не одна.

Пытаясь сдержать крик, она услышала, как что-то в темноте побежало от неё. Осознав, что сама могла кого-то напугать, Алиса хотела извиниться, как вдруг резко открылась дверь, из которой хлынул поток яркого света и без остановки было звучание того самого звука, который преследовал ее ранее. Недолго думая, она выбежала туда.

Невероятный свет ослепил её на мгновение, заставив прикрыть глаза щурящимися веками.

Потеряв равновесие, её ноги подкосились, и она покати-лась по крутому склону. Ветки хлестали по лицу, острые камни царапали кожу, а всё вокруг мелькало в бешеном ритме. Не в силах остановить падение, она ощущала, как земля уходит из-под ног, а воздух свистит в ушах.

Приземление было резким, болезненным. Она оказалась в каком-то низменном углублении, словно в овраге, где смягчило удар скопление опавшей листвы и мягкой влажной почвы. Отдышавшись, она медленно подняла голову и огляделась.

Вокруг её окутывал густой, дремучий лес. Вековые деревья плотно смыкали свои кроны, пропуская лишь редкие, рассеянные лучи солнца. Воздух был влажным и пах прелой листвой, мхом и землёй. Шорох под ногами, тихий птичий гомон где-то в вышине, шелест листьев на ветру — всё наполняло это место звуками природы, чуждыми и одновременно завораживающими. Она огляделась, не могла понять,

что произошло. Забравшись на пригорок, она видела только одни деревья и кусты. Ни одного здания, ни дороги, ничего что могло хоть близко дать ей понять, где она.

-Твою мать....